

HARLEQUIN®

107

TM

Хелен Диксон

ЖЕНЩИНЫ
ГРАФА ЛАНЗБУРИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Хелен Диксон
Женщины графа Ланзбури
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 107

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48811955

Женщины графа Ланзбури:

ISBN 978-5-227-08950-2

Аннотация

Возвращаясь в Англию из Египта после смерти отца-археолога, Джейн Мортимер влюбляется на корабле в красавца-графа Кристофера Ланзбури. Попав затем в имение Ланзбурнов в качестве гувернантки, она узнает печальную историю графа: чтобы выправить дела семьи, стоящей на грани разорения, Кристофер подумывает жениться на богатой американке, охотницей за титулом. Циничный и жестокий, он не верит женщинам, поскольку в юности пережил любовную драму. Джейн все глубже погружается в мир, который очень отличается от ее прошлой жизни. Она обладает способностью проникнуть в самые потаенные уголки души Кристофера и исцелить его раненое сердце.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	36
Глава 3	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Хелен Диксон

Женщины графа Ланзбури

Helen Dickson

LORD LANSBURY'S CHRISTMAS WEDDING

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

АРЛЕКИН®
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Серия «Исторический роман»

Lord Lansbury's Christmas Wedding

Copyright © 2015 Helen Dickson

«Женщины графа Ланзбури»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1

1875 г.

Над морем моросил дождь, и темно-серая водная гладь покрылась рябью. Джейн стояла у борта, озирая широкое водное пространство. Корабль подходил к Дувру, все дальше унося ее от дикой и загадочной красоты Востока. Начинался новый этап ее жизни.

Глаза у нее наполнились слезами, когда она вспомнила о событиях, предшествовавших этому дню. Два месяца назад в экспедиции в Египте скончался ее горячо любимый отец, оставив ее безутешной. От тоски она погрузилась в пучину отчаяния.

В Париже пришлось встать до рассвета, чтобы успеть на поезд в Кале. И вот она поднялась на борт корабля. Ей не хотелось представать перед теткой провинциальной замарашкой, но она понимала, что выглядит не самым лучшим образом. Синяя шляпка и черная шерстяная накидка, хотя и неплохо защищали ее от холодного, промозглого ветра, отнюдь не делали ее величавой и грациозной.

На борту было много пассажиров, но почти все они в пути укрывались в каютах. Джейн предпочла остаться на палубе.

Услышав детский смех, она повернулась и увидела девочку в теплом красном шерстяном плаще. На светлых кудрях красовалась изящная шляпка. Девочка прижимала к груди маленькую собачку – пекинеса. На вид малышке можно было дать лет восемь; хрупкая, голубоглазая, она была очень хорошенькой, хотя и бледной.

Рядом с девочкой стояла модно одетая женщина – скорее всего, ее мать. Неподалеку Джейн заметила, как она поняла, горничную. Значит, мать девочки, скорее всего, знатного происхождения. Их сопровождал высокий мужчина в плаще и широкополой шляпе с низкой тульей. Он стоял в нескольких шагах от своих спутниц, спиной к ним, ближе к Джейн, и смотрел на кильватерный след. Через какое-то время он достал из кармана тонкую манильскую сигару с обрезанным концом и закурил, наклонив голову и прикрыв пламя ладонями.

Табачный дым поплыл в сторону Джейн. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох, наслаждаясь знакомым запахом, который пробуждал в ней столько воспоминаний. Отец, бывало, любил выкурить сигару. Ее вдруг перенесло назад во времени, в те вечера, когда он, окончив дневную работу, сидел у своей палатки, пил бренди и курил сигару. Она невольно придвинулась ближе к незнакомцу и вдруг поняла, что задерживает дыхание. Ее вздох привлек внимание высокого джентльмена, и застигнутая врасплох Джейн выпалила первое, что пришло ей в голову:

– Ах, простите! Я не хотела вам мешать.

Он вопросительно приподнял темные брови.

– Вы не против? – Он помахал сигарой.

Джейн поразили его пронизательные серые глаза, низкий бархатный голос и высокий рост. Она и сама была высокой, но незнакомец оказался на голову выше ее. Его гладко выбритое лицо было загорелым, она заметила и суровые складки в углах рта, и мужественный подбородок. В целом вид у незнакомца был надменным.

– Против чего? – машинально спросила Джейн, ругая себя за глупость.

– Против сигары.

– Ах, нет, нет... конечно, я не против, – поспешно ответила она, отходя в сторону.

Он отвернулся, и тут девочка направилась к нему. Внезапно на палубу налетел холодный ветер; пассажиры, стоявшие у бортов, поспешно хватались за поручни. Девочку сбilo с ног. Она упала на колени, потянулась к матери и выронила собачку. Джейн с ужасом смотрела, как ребенок пытается дотянуться до матери, но не может. Остальные пассажиры застыли на местах. Передвигаться по мокрой, скользкой палубе было опасно даже для взрослых. Девочка с трудом встала и закричала от страха, увидев, что ее собачку отнесло на дальний конец палубы. Думая лишь о том, как спасти свою любимицу, девочка побежала за ней, встревожив мать.

– Октавия, сию же секунду вернись!

Джейн открыла рот, собираясь предупредить девочку, чтобы та была осторожнее, но было уже поздно. Девочка споткнулась и упала. Ее понесло к ограждению. Послышался женский крик, но Джейн не повернула головы. Она думала только об одном: надо поймать девочку, иначе ее унесет под ограждение и она упадет в море. Пассажиры, стоявшие дальше от места происшествия, оцепенели от ужаса. Джейн устремилась за малышкой и успела как раз вовремя. Она схватила девочку, и они обе упали на палубу. Еще немного – и девочку унесло бы за борт.

Женщины закричали, а смуглый незнакомец, побледневший от ужаса, выбросил сигару в море и быстрым шагом направился к девочке. Джейн и малышка лежали на палубе, целые и невредимые. Убедившись, что девочка не пострадала, незнакомец передал ее матери, а затем, опустившись на одно колено, помог подняться Джейн. Пароход качнуло, и ее на миг прижало к нему.

У Джейн закружилась голова; сознавая свою полную беспомощность, она молчала, опираясь на его сильные руки. Он надежно удерживал ее на месте; от него приятно пахло сигарами и бренди. Несмотря на полуобморочное состояние, собственные поразительные ощущения потрясли ее до глубины души. Ее накрыла горячая волна чисто животного влечения. Ошеломленная, побледневшая, она с трудом отошла от незнакомца, стараясь прийти в себя. Кое-как отряхнувшись, она повернулась к своему спасителю и заметила, что

тот как-то странно смотрит на нее.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился он. – Вы не ушиблись при падении?

Судя по манере говорить, перед ней был настоящий английский джентльмен, представитель высшего общества. Он держался надменно и властно; его невозмутимость пришлась Джейн по душе.

– Нет... спасибо, я не пострадала, – негромко ответила она, как подобает воспитанной девушке, которой не пристало выдавать никаких личных чувств; она старалась взять себя в руки, хотя ее по-прежнему мутило.

Посмотрев на него в упор, она едва не пошатнулась, ощутив, какую он излучает откровенную, неприкрытую мужественность. А затем произошло нечто очень странное: вокруг все потускнело, ушло на задний план. Она видела только высокого незнакомца. Лицо у него было сильным и необычайно привлекательным, он смотрел на нее с хладнокровным видом, который Джейн нашла совершенно неотразимым. Она смотрела на него, как загипнотизированная. Длинные, сужающиеся книзу брюки подчеркивали его мускулистые, длинные ноги. Стараясь разобраться с собственными мыслями, она снова заглянула в его потрясающе пытливые глаза, а сердце вдруг прыгнуло в горло, едва не задушив ее. Она укорила себя за глупость. В конце концов, она совсем не знает своего спасителя. Он сделал шаг к ней, и она потупилась.

– Не знаю, как благодарить вас за ваш мужественный поступок. Вы спасли жизнь моей сестры. Очень вам признателен, мисс...

– Мортимер, – ответила Джейн. – По правде говоря, когда я увидела, как девочка упала и покатилась к ограждению, я вообще ни о чем не думала, только поняла, что должна ее остановить.

– Очень вам благодарен, мисс Мортимер. Октавия вполне могла провалиться за борт и упасть в воду.

Он по-прежнему не сводил с нее своих красивых глаз. Джейн глубоко вздохнула.

– Она ребенок, а дети постоянно совершают импульсивные поступки. – Она густо покраснела и смутилась, так как поняла, что ей все больше нравится находиться рядом с ним.

– К сожалению, у моей сестры такие поступки вошли в привычку.

– Рада, что она не пострадала... ой, смотрите! – Джейн указала на какого-то мужчину, который подошел к девочке и положил в ее протянутые руки пушистый белый клубок. – Ее собачка тоже спасена!

– Хвала небесам. Октавия очень страдала бы, если бы что-нибудь случилось с ее собачкой. Она для нее драгоценна. – Незнакомец снова посмотрел на нее долгим, медленным взглядом, и Джейн показалось, что уголки его губ приподнялись в намеке на улыбку, подчеркнув волевой подбородок. В тот миг он показался ей самым красивым мужчи-

ной на свете.

Неожиданно она заметила, что он смотрит на нее оценивающе, очень по-мужски. Она вдруг поняла, как близко он стоит. Безумный, незнакомый порыв овладел ею; кровь закипела у нее в жилах – никогда раньше она не испытывала ничего подобного. Он оказывал на нее слишком сильное воздействие, и она боялась, что если он и дальше будет на нее смотреть своими серебристо-серыми глазами, то прочтет ее мысли. Она испытала облегчение, когда к ним подошла мать девочки. В глазах у нее блеснули слезы благодарности.

– Спасибо, моя дорогая, за ваше храброе вмешательство! Примите мою искреннюю благодарность и признательность.

– Рада, что сумела помочь.

– Можем ли мы чем-то отплатить вам?..

Джейн снова покраснела, смущенная из-за того, что ей предложили плату за помощь ребенку.

– Нет... что вы! То же самое на моем месте сделал бы любой. – Она шагнула в сторону. – Простите. Мы приближаемся к Дувру. Я должна найти свой багаж.

Джейн спустилась за своими сумками; другие пассажиры, наоборот, поднимались на палубу.

Кристофер Ланзбури осмотрел Октавию. К счастью, после пережитого испытания девочка выглядела не хуже. Он обернулся, чтобы еще раз бросить взгляд на мисс Мортимер, которая так самоотверженно бросилась спасать его сестру,

но ее нигде не было видно.

Когда он помогал Джейн встать, в его душе что-то дрогнуло, хотя он и не понимал, что именно. Чутье подсказывало, что лучше ему не искать мисс Мортимер. Неожиданно возникший интерес к этой худощавой, высокой девице в немодной и некрасивой одежде ошеломил его.

Возможно, она и способна кому-то понравиться, но она не в его вкусе, решил Кристофер. Ему не понравился ее широкий рот, длинные черные ресницы и особенно большие глаза, которые чересчур пытливо смотрели на него. Глаза у нее были необычного цвета – фиалковые с оттенком серого. Они были ясными и прозрачными, как стекло, и смотрели на него бесстрашно и пытливо, как будто их владелица пыталась что-то для себя решить.

На мгновение Кристоферу показалось, будто рядом с ним другая... Девушка с такими же фиалковыми глазами из прошлой жизни. Но во взгляде той угадывались неверность и предательство, из-за которых он пережил невыносимые страдания. Красота и совершенство оказались перечеркнутыми, а горечь и боль были такими, что он едва не погиб.

Наваждение вскоре прошло; остались лишь острое презрение и воспоминания, которые он не в силах был изгнать из памяти. Они по-прежнему были живыми и осязаемыми, а вместе с ними – и предательство женщины, которая так поступила с ним, осквернив само понятие любви. Он продолжал жить, есть и спать; он, в общем, вел сносное существо-

вание, но еще тогда поклялся, что больше никогда не подпадет под чары красивой женской фигуры и темных соблазнительных глаз.

Задумчиво нахмурившись, поскольку им оставалось недолго пробыть на корабле, Кристофер занялся багажом и погрузился в заботы об удобствах матери и сестры. Сойдя на берег, он совершенно позабыл о молодой женщине с фиалковыми глазами.

Садясь в поезд, который должен был увезти ее в Лондон, Джейн заново переживала каждый миг своей встречи с высоким джентльменом. Он произвел на нее такое глубокое впечатление, какое не производил никто другой. Что в нем такого, из-за чего она теряет над собой контроль? Одной мысли о нем оказалось достаточно, чтобы перед ней появился его образ. Он стоял перед глазами и не желал уходить. Джейн рассеянно смотрела в окно на проплывающие мимо пейзажи и с сожалением вздыхала. Положение ее безнадежно; скорее всего, они никогда больше не увидятся. Справившись с разочарованием, она поняла, что ей остается только одно. Она должна выбросить из головы мысли о нем, хотя расстаться с ними необычайно трудно.

Отец Джейн был ученым, специалистом по азиатской и европейской истории и археологии. Джейн считала, что ей повезло, потому что у нее осталась овдовевшая тетка по отцовской линии, которая великодушно согласилась поселить ее

у себя. Прежде Джейн видела сестру отца всего два раза в жизни, когда отец по работе приезжал в Лондон.

Тетя Кэролайн жила в маленьком, но элегантном доме в модном районе Лондона. Дом был украшен и обставлен по последней моде. Тетя часто устраивала званые вечера, она была известной филантропкой, и большинство ее знакомых состояли в разных благотворительных комитетах. Кроме того, в ее доме бывали политики и немногочисленные представители так называемой богемы: художники, музыканты, писатели. Иногда тетка приглашала скрипача или пианиста – тогда она устраивала музыкальные вечера; случались и карточные вечера. Кэролайн Стэндиш была радушной и гостеприимной хозяйкой.

Сегодня она принимала у себя нескольких своих знакомых – членов благотворительного комитета. Мягкая и обходительная Кэролайн Стэндиш была очень достойной дамой, которая относилась к своим занятиям всерьез. Нужда и скотские условия существования в самых бедных районах столицы трогали ее до глубины души, и она не жалела сил для того, чтобы по мере возможностей облегчить страдания бедняков.

Джейн наблюдала за тем, как дамы пьют из чашек тонкого фарфора чай лучших сортов из Ассама и с Цейлона, берут с фарфоровых блюд сэндвичи с огурцом и пирожные. Она переводила взгляд с одной гостьи на другую. Дамы собрались самые разные. Их мужья были джентльменами, некоторые из них – титулованными. Дамы помоложе отличались яркой

внешностью; Джейн про себя даже удивлялась тому, что такая красота возможна. Сама она была незамужней девицей незнатного происхождения; к тому же она была на полголовы выше того роста, который считался модным. Джейн с горечью размышляла над тем, почему природа одарила многих такой красотой лица и фигуры, а ей выделила лишь стойкость духа и чувство юмора. Эти черты до последнего времени как-то компенсировали ее невзрачность.

Джейн не верила, что когда-нибудь выйдет замуж. Даже если за ней будут ухаживать, она скорее умрет старой девой, чем подчинится нелюбимому мужу или мужчине, который ее не любит. С самого детства она понимала, как любят друг друга ее родители; их взаимное чувство, исполненное спокойного достоинства, трогало ее до глубины души. Их пример стал для нее образцом; и для себя она ожидала не меньшего. Обладая самобытным умом, она стремилась жить так, как она считала нужным, не уступая обстоятельствам. Сознавая, что не обладает привлекательной внешностью, Джейн тем не менее считала себя личностью незаурядной; она никого не винила в том, что ее едва достаивали взглядом.

Она слышала, как какая-то пожилая леди заметила про нее: «Слишком тощая». «Слишком высокая», – вторила ей другая. Третья назвала ее дурнушкой.

Но, глядя на свое отражение в зеркале, Джейн не думала, что она способна кого-то оттолкнуть. Многим мужчинам даже нравятся такие высокие скулы, широкий рот и глаза

необычного цвета – фиалковые с серым оттенком. Ей всегда приходилось мучиться со своими волосами – длинными, густыми, насыщенного каштанового оттенка. Обычно Джейн туго зачесывала их назад, собирая в тугий узел на затылке.

Джейн не старалась себя приукрасить. Но если бы кто-то дал себе труд внимательнее рассмотреть ее, стало бы ясно, что за неброской внешностью таится настоящая сокровищница. В двадцать один год она обладала блестящим умом, ярким и запоминающимся характером. Джейн умела поддерживать интересный разговор почти на любую тему. Она обладала добрым от природы сердцем, не была хвастливой и почти никогда никого не обижала. Кроме того, она была бескорыстной и принимала близко к сердцу чужие горести.

Тетя Кэролайн предупредила племянницу, что ждет в гости леди Ланзбури – графиню Ланзбури – и ее маленькую дочь.

– Они были в Америке... кажется, в Нью-Йорке, – объяснила тетка, – и какое-то время перед возвращением в Англию провели в Париже. В Лондоне у них есть особняк, но, насколько я понимаю, вскоре они уедут в свое имение в Оксфорд-шире.

– Как вы познакомились с леди Ланзбури?

– Она пришла на один из моих вторников. Очень чуткая и заботливая! Охотно принимает участие во всех благотворительных делах, не жалеет времени и сил. К сожалению, на нее не стоит рассчитывать в смысле пожертвований. После

смерти мужа бедняжка осталась буквально без гроша. Ее сын унаследовал имение Чалфонт в Оксфордшире – точнее, то, что от него осталось. Старый граф умер почти банкротом. Но это было двенадцать лет назад. Нынешний граф трудился не покладая рук, и ему удалось удержаться на плаву. Правда, ходят слухи: если он не найдет деньги на содержание усадьбы, придется пустить ее с молотка.

– Представляю, как они беспокоятся!

– Да уж, конечно. По-моему, граф Ланзбури думает о том, чтобы продать лондонский особняк, чтобы добыть капитал. Поговаривают, что он готов даже жениться на богатой наследнице – американке. Почему бы и нет? Он будет не первым и не последним обедневшим аристократом, который женится на деньгах.

– Мне кажется, что это уже крайности.

– Для тебя – наверное, поскольку ты почти всю жизнь провела за границей. В английском высшем обществе женитьба ради денег стала делом вполне тривиальным. Однако этот род славится своей гордостью; графу Ланзбури, наверное, неприятно прибегать к таким мерам. Впрочем, нас с тобой их дела не касаются. Юная леди Октавия – очаровательная девочка, хотя она доставляет леди Ланзбури немало беспокойства. Она родилась преждевременно и отличается болезненностью. У нее есть... трудности, но нрав у нее мягкий и добрый. Тебе она понравится.

Тетя Кэролайн оказалась права. Леди Ланзбури с дочерью прибыли очень величественно: в экипаже с нарядным кучером и маленьким пажом на запятках. Когда экипаж остановился, паж проворно прыгнул на землю и распахнул перед ними дверцу.

Джейн не поверила собственным глазам. Оказалось, что леди Ланзбури – та самая дама, которая вместе с ней возвращалась в Англию на корабле. Октавия ничуть не изменилась. Джейн обрадовалась, когда оказалось, что леди Ланзбури ее не забыла.

– Ах, мисс Мортимер! Я так рада снова видеть вас. Позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы сделали для Октавии. Миссис Стэндиш, ваша племянница повела себя очень мужественно, – обратилась она к тетке Джейн. – Когда мы пересекали Ла-Манш, она рисковала жизнью ради того, чтобы спасти Октавию. Я и сын, граф Ланзбури, мы так благодарны мисс Мортимер за то, что она действовала быстро и решительно!

– В самом деле? Джейн, ты мне об этом не рассказывала! – Миссис Стэндиш с удивлением посмотрела на племянницу.

– Повода не было. Леди Ланзбури не представилась, а я понятия не имела, что вы знакомы. Когда девочка поскользнулась, я сделала то, что сделал бы любой на моем месте. К тому же я стояла ближе всех к ней.

– Вы так скромны, дорогая! – воскликнула леди Ланзбури. – Ваши решительные действия спасли ей жизнь.

– Рада, что сумела помочь. – Джейн очень хотелось спросить у леди Ланзбури, как поживает ее сын, но она благодарно промолчала.

О, граф Ланзбури произвел сильное впечатление на ее девичье сердце. Мысли о нем приходили неожиданно, когда она меньше всего этого ожидала, и Джейн не могла думать ни о чем другом, что ее очень смущало. Раньше ни один мужчина не оказывал на нее такого воздействия. Но он граф, граф Ланзбури, он стоит на общественной лестнице гораздо выше ее. Она может лишь издалека восхищаться им. Джейн посмотрела на Октавию – та ее явно не помнила.

– Леди Октавия – такая очаровательная девочка!

К изумлению Джейн, Октавия подошла к ней, прижимая к себе любимую собачку, и сказала:

– Мне нравится ваше платье. Очень миленькое.

– Спасибо. – Джейн тепло улыбнулась в ответ на комплимент, хотя и не могла согласиться с Октавией.

Она знала, что ее платье довольно старое и совсем не модное. Зато оно отличалось необычным фасоном и ярким цветом. Джейн не сомневалась, что именно яркость привлекла внимание Октавии.

Октавия села рядом с ней на полосатом диване, а собачку устроила между ними. Собачка посмотрела на Джейн желтыми глазами, как будто пыталась угадать характер новой знакомой.

– Как зовут вашу собачку?

– Поппи. Ее зовут Поппи.

– Очень красивое имя. Она ведь не кусается? – спросила Джейн шутливо.

Октавия склонила голову набок и с любопытством взглянула на Джейн. Очевидно, ее удивило, что новая знакомая подумала, будто ее драгоценная собачка кусается.

– Нет, конечно! Вы ей нравитесь, я сразу увидела. Мне вы тоже нравитесь. Вы очень славная. Вы будете со мной дружить? У меня нет друзей. – В ее замечании не было никакой грусти. Она просто констатировала факт. Так все было на самом деле.

Джейн рассмеялась и сказала, что с удовольствием будет дружить с Октавией. Глядя пекинеса, она разглядывала девочку. Хорошенькая голубоглазая блондинка с бледным личиком отличалась живым и беспокойным характером. Кроме того, она была полна сил и не всегда могла сидеть спокойно. Весь вечер Октавия не отходила от Джейн. Вскоре Джейн заметила, что леди Ланзбури прислушивается к их разговорам и внимательно смотрит на них, о чем-то размышляя. Вскоре она заметила:

– Мисс Мортимер, вижу, Октавия с вами подружилась. Вам повезло. Она нелегко сходится с людьми.

Джейн взяла со столика раскрашенную жестянку с конфетами и протянула девочке.

– Леди Октавия, мне их все не съесть. Если вы не против, поддержите коробку и помогите мне с ними справиться!

Октавия замигала своими большими глазами и вопросительно посмотрела на мать, как будто ждала от нее указаний. Леди Ланзбури кивнула и одобрительно улыбнулась. Октавия робко открыла крышку и выбрала конфету. Сунув ее в рот, она просияла.

Лондон оказался волнующим и увлекательным местом. Джейн нравилось в столице. Тетя Кэролайн водила ее на прогулки, показывала разные исторические здания и другие достопримечательности. Они гуляли в парках, и Джейн любовалась яркими и красивыми цветами, высаженными на клумбах и в бордюрах. Почти всю жизнь она провела в жаркой, засушливой местности и теперь восхищалась, видя столько красок в одном месте.

Если они никуда не ездили, она пыталась разобраться в бумагах отца и думала о будущем. Она не придала значения встрече с леди Ланзбури и потому очень удивилась, когда та неделю спустя заехала к ним, рассчитывая застать Джейн дома.

Решив, что визит леди Ланзбури как-то связан с одним из благотворительных комитетов, тетя Кэролайн проводила ее в гостиную. За чаем они разговаривали о всяких мелочах. Джейн слушала и помалкивала. Под короткой пелериной на леди Ланзбури было красивое шелковое платье с широкой юбкой, которое поблескивало, когда на него падал свет. Цвет платья напомнил Джейн солнце на закате: оно переливалось

бордовым, золотистым и теплым розовым. Голову леди Ланзбури украшала изящная соломенная шляпка с приколотыми цветами в тон платью.

Джейн все время ловила на себе взгляды леди Ланзбури; в них читались одобрение и даже восхищение, с каким одна женщина относится к другой, если искренне считает, что другая этого достойна.

– Как поживает леди Октавия? – спросила Джейн. – Для меня знакомство с ней было радостью. Она такая очаровательная, милая девочка.

– Да, она очаровательная... правда, я могу быть необъективна, ведь она моя дочь, и я очень ее люблю. – Леди Ланзбури поставила чашку и блюдо на стол; лицо, до того задумчивое, немного смягчилось. – Знаете, мисс Мортимер, я очень рада, что вы так думаете, потому что мой визит связан с Октавией. На прошлой неделе, когда мы были здесь, я не могла не заметить, что вам удалось подружиться с ней – а она с тех пор только о вас и говорит. И сегодня я пришла просить вас о помощи.

– Вот как! – воскликнула ошеломленная Джейн.

– Кажется, в одном из разговоров ваша тетушка упоминала, что до возвращения в Англию вы много лет путешествовали за границей с отцом.

– Да, – тихо ответила Джейн. – К сожалению, отец умер, когда мы были в Египте. Вот почему я приехала к тете Кэрролайн. Я подожду, пока приведут в порядок его дела, а тем

временем решу, что буду делать дальше.

– Вы любите детей, мисс Мортимер?

– Д-да... конечно, хотя не скрою, так как я сама единственный ребенок и мы жили в постоянных разъездах, у меня не очень много опыта в общении с детьми.

– По-моему, с Октавией вы поладили замечательно. И вот я подумала... Не поможете ли вы мне заботиться о ней? Временами с ней бывает нелегко. Все молодые дамы, которых я нанимала в прошлом, выдерживали не больше месяца и уходили.

– Я... не знаю...

– Мисс Мортимер, прошу вас, позвольте мне договорить. Я намерена предложить вам постоянное место с проживанием. Через неделю мы уезжаем из Лондона в наше родовое поместье Чалфонт в Оксфордшире. У Октавии легкий кашель. По-моему, за городом ей будет гораздо лучше, чем в туманном Лондоне. Не могу передать, как вы меня осчастливите, если поедете с нами.

– Леди Ланзбури... не знаю, что и сказать. Откровенно говоря, вы застали меня врасплох.

– Надеюсь, вы согласитесь. Не стану притворяться и не скажу, что заботиться об Октавии легко. Как вы видели, она не... не совсем такая, как другие девочки ее возраста. Ей двенадцать лет, но выглядит она гораздо младше своих лет и так же ведет себя. Она хрупка, и о ней необходимо заботиться. Иногда она не может объяснить, что ей нужно и как она

себя чувствует; кроме того, она часто не понимает, что думают и чувствуют другие. Она трудно сходится с людьми... Я часто думаю, что с ней будет...

На миг Джейн показалось, что леди Ланзбури вот-вот расплачется. Она наклонила голову, оперлась на руку в безупречной перчатке и тяжело вздохнула. Джейн привстала, готовая подойти к ней, встать на колени и утешить ее, но тут леди Ланзбури упрямо вскинула голову.

Джейн улыбнулась и сочувственно посмотрела на гостью. Она поняла, что, несмотря на царственную внешность, леди Ланзбури очень напряжена. Джейн не нужно было долго уговаривать. На смертном одре отец предупредил, что она будет богатой женщиной, но, пока его поверенный не разобрался в делах и не огласил завещание, она понятия не имела, о каком богатстве идет речь, хотя догадывалась, что сумма будет значительной. Поскольку она не любила толпы, мысль о том, чтобы уехать из Лондона в английскую глубинку, показалась ей удачной.

Была и еще одна причина, которая повлияла на ее решение, – сын леди Ланзбури, граф Ланзбури. Соблазн снова увидеть его был настолько велик, что Джейн и не думала сопротивляться. Хотя она не верила, что их пути пересекутся, впервые в жизни она приняла решение, повинувшись порыву.

– Прискорбно это слышать, леди Ланзбури, и я помогу вам, чем смогу. Я принимаю ваше предложение. Правда, я не смогу работать у вас бесконечно. Но на время с радостью

составлю компанию леди Октавии и обещаю, что буду с ней терпелива.

В глазах леди Ланзбури заблестели слезы благодарности. После того как мисс Мортимер приняла ее предложение, словно большой груз упал с ее плеч.

– Спасибо, мисс Мортимер! Не могу передать, какое облегчение я испытала!

– Но у меня есть одна просьба, леди Ланзбури. После смерти отца большая часть его трудов осталась незавершенной. Работа очень много для него значила – как и для его издателя и других археологов, с которыми он работал. Я остаюсь его помощницей и делаю, что могу, чтобы закончить его работу.

– Конечно! Вполне вас понимаю. Вам не придется все время присматривать за Октавией. У нас в Чалфонте довольно приличная библиотека. Там тихо и спокойно; не сомневаюсь, там вам можно будет работать без помех.

– Спасибо, буду вам очень признательна.

– Что вы, это я вам признательна! – Леди Ланзбури посмотрела на тетку Джейн, внимательно слушавшую их. – Что скажете, миссис Стэндиш? Надеюсь, что вы позволите Джейн принять мое предложение. Она очень поможет и мне, и Октавии.

– Леди Ланзбури, не мое право одобрять или не одобрять, – осторожно ответила миссис Стэндиш. – Моей племяннице двадцать один год, она достаточно взрослая и ра-

зумная для того, чтобы самой определять свое будущее. Но поскольку вы спрашиваете моего мнения, скажу, что меня... беспокоит положение, которое она будет занимать в вашем доме, и то, как на это посмотрят другие, кто работает в Чалфонте. По возрасту Джейн ровесница горничных, кухарок и...

– Прошу, миссис Стэндиш, ни слова больше! Джейн никогда не будет наравне с кухонной прислугой. Я знаю, что она дочь видного ученого, в высшей степени интеллигентного человека и сына высокопоставленного военного. Ее мать из хорошей семьи, она из дербиширских Грантов. Они были небогатыми, но родовитыми...

– Но... откуда вам столько обо мне известно, леди Ланзбури? – изумилась Джейн.

– Когда я увидела, как Октавия привязалась к вам, я... навела о вас справки. Джейн, я прошу, чтобы вы стали компаньонкой моей дочери... ее другом. Октавия никогда ни к кому не привязывалась так, как к вам.

– Постараюсь ее не разочаровать.

Зная, как тетя волнуется за нее, Джейн постаралась успокоить ее. Забота об Октавии – дело нелегкое, но приятное; девочка вызывала в ней желание ее защитить.

– Пожалуйста, тетя, не волнуйтесь за меня, – мягко сказала Джейн. – Я еще не решила, чем займусь, какую стезю выберу для себя. Как вам известно, моя мать умерла, когда я была еще маленькой. Я провела почти всю жизнь с отцом,

помогала ему в работе. Мы вечно переезжали с места на место, как кочевники, и сейчас я сама не знаю, для чего я предназначена.

– Джейн, ты вовсе не обязана работать, – тихо ответила тетка. – И разве не ты недавно говорила, что вскоре в Лондон должен приехать один из коллег твоего отца?

– Да, Финеас Уэйверли. Он устраивает выставку артефактов, фотографий и прочего. Он, конечно, напишет мне подробнее, но позже. А пока я должна чем-то заниматься. Я не создана для праздной жизни. Из Чалфонта можно быстро добраться до Лондона, так что я буду недалеко.

Вернувшись в Ланзбури-Хаус, леди Ланзбури поделилась новостью с сыном: мисс Мортимер поедет с ними в Чалфонт и поможет заботиться об Октавии. Неожиданно граф Ланзбури проявил упрямство и раздражительность.

– Почему именно эта девушка? Как ты можешь быть уверена в ней после такого короткого знакомства? Конечно, Октавия к ней привязалась. Она всегда привязывается к тем, кто по-доброму к ней относится.

– Тебе не нравится мисс Мортимер? – Леди Ланзбури озадачила горячность сына. – Я нахожу ее очаровательной.

– Меня нельзя обвинить в том, что я немилосерден или негостеприимен, – довольно сухо ответил Кристофер. – Вопреки тому, что ты могла бы подумать, я пока не сформировал о ней какого-либо мнения. Просто... – Он осекся и отвел

глаза в сторону. – Нет, не могу сказать, что мисс Мортимер мне не нравится. Да и с чего бы?

Леди Ланзбури внимательно смотрела на сына. В самом деле, с чего бы? Впервые за много лет она вспомнила о девушке – ее звали Лили, – которую любил Кристофер. После того как та его бросила, он чуть не умер. Может ли быть, что в Джейн Мортимер сын усмотрел сходство с Лили? Да, у нее глаза такого же необычного цвета, но на том сходство и заканчивалось. Джейн ни в малейшей степени не похожа на Лили.

– Рада это слышать. Разве в твою надменную, упрямую голову не приходило, что она может тебе даже понравиться? Ты, возможно, будешь приятно удивлен.

– Даже для такого надменного и упрямого человека, как я, нет ничего невозможного, – улыбнулся Кристофер.

– Боюсь, что ее с самого начала оттолкнет твое устрашающее высокомерие... способное обескуражить любую девушку.

– А мне не нравится напрасно тратить время на пустяки. Октавия вполне довольна своим теперешним положением. Более того, в твоем замысле есть пара более мелких трудностей, – сухо продолжал он, видя, что ему не удастся погасить воодушевление матери. – Мисс Мортимер будет очередной в длинной веренице молодых дам, которых мы нанимали ухаживать за Октавией. Ни одна из них не продержалась дольше месяца, и каждый раз, когда они уходили, Октавия очень

расстраивалась. Сомневаюсь, чтобы с мисс Мортимер было по-другому. Почему бы тебе для начала не обдумать все как следует? Мы все обсудим, когда приедем в Чалфонт.

– Нет, Кристофер. Я уже все решила. Воспитание Октавии – моя забота; мне будет гораздо легче знать, что, когда нужно, я смогу оставить ее с человеком, которому я доверяю.

Кристофер вздохнул. Он не был совсем уж бессердечным. Уход за Октавией и тревога за нее подрывали силы матери. Кроме того, он понимал, что найти подходящего человека, способного заботиться об Октавии, нелегко.

– Прости, мама. Конечно, поступай, как сочтешь нужным. Найми мисс Мортимер, если это тебя порадует.

– Кристофер, что еще важнее, она порадует Октавию.

Чалфонт-Хаус, родовое гнездо Ланзбури, находился в сердце Оксфордшира. Великолепие дома произвело на Джейн сильное впечатление. Широкие каменные ступени вели на террасу с колоннадой. По обе стороны от центральной части располагались крылья, а центр дома венчал большой купол. И внутри Джейн еле удерживалась от возгласов восхищения при виде пышности и великолепия, которые графиня принимала как должное.

Едва она вошла, ее приветствовали с безыскусной теплотой. Она поняла, что в этом доме в идеальной гармонии сочетаются вежливость и взаимная любовь.

Горничная увела усталую Октавию наверх, оставив Джейн

с леди Ланзбури. Она стояла в холле и с интересом озиралась по сторонам. А потом как будто ее сны ожили наяву: из одной из многочисленных комнат первого этажа вышел граф Ланзбури и направился к ним.

Джейн показалось, будто они виделись только вчера. На корабле он произвел на нее неизгладимое впечатление, и оно не потускнело, а наоборот, стало еще сильнее. Редко ей доводилось видеть, чтобы аристократ так равнодушно относился к положению, доставшемуся ему по наследству. Такая черта не приобретается долгими упражнениями; ее невозможно и имитировать. Она лишь развивается со временем. Одетый в темно-зеленый сюртук и безупречно белый шейный платок, высокий, гибкий, невероятно привлекательный, он двигался с элегантной грацией человека, уверенного в своем месте в мире и совершенно не думающего о том, как остальной мир к нему относится.

Привыкшая жить среди иностранцев и ровесников отца, которые не думали ни о чем, кроме своей работы, и не придавали значения тому, как они выглядят, Джейн невольно залюбовалась им. Она в жизни не видела таких красавцев, как граф Ланзбури. Не в силах отвести от него взгляда, она снова и снова поражалась его мрачному обаянию, магнетизму, который так привлек ее еще во время их первой встречи на корабле.

Свои густые темно-каштановые волосы он зачесывал со лба назад. Его ясные серые глаза были полуприкрыты тяже-

лыми веками, отчего у него был несколько ленивый, сонный вид. Высокий и стройный, он напоминал древнегреческого атлета, одного из тех, о ком Джейн столько читала. Когда он заговорил, его низкий, бархатный голос напомнил ей густой мед. Она смутилась, вспомнив отчего-то эротические гравюры и тела, которые на них сплетались. Такие гравюры и рисунки она видела во время своих странствий по Европе и Востоку.

Граф Ланзбури приехал в Чалфонт раньше них. Когда леди Ланзбури представила ему Джейн, он вежливо склонил голову. Но Джейн прекрасно понимала, что он ее не видит – смотрит, но не видит по-настоящему. Впрочем, ничего подобного она от него и не ожидала. Он вовсе не смотрел на нее так, как мужчина смотрит на красивую женщину. Его взгляд показался ей озабоченным и рассеянным – возможно, из-за необычного цвета. Его большие глаза, очень светлые, часто прятались за густыми темными ресницами.

– Кристофер, мисс Мортимер любезно согласилась помочь мне заботиться об Октавии. Ты наверняка помнишь, что именно она спасла Октавии жизнь на корабле. Я сообщала тебе, что она приедет сегодня.

– Да, сообщала. – Он смерил Джейн холодным взглядом. – Мы перед вами в долгу, мисс Мортимер, за то, что вы сделали в тот день. Но ваша работа не будет простой. Заставить Октавию делать то, что она не хочет, так же трудно, как завести корабль в гавань. Тут нужна крепкая рука у руля.

Джейн рассмеялась. Как ей хотелось, чтобы он смотрел на нее по-другому, чтобы он считал ее женственной!

– Прошу вас, не тревожьтесь. Я обладаю исключительными талантами в области навигации.

– Рад слышать. Ваш отец, насколько мне говорили, был известным ученым-археологом.

– Да, Мэтью Мортимер – видный ученый. Он интересовался многими областями науки, но особенно древнеримской и древнегреческой историей и археологией.

– Наверное, он был интересным человеком. Мама говорит, что вы почти всю жизнь провели за границей.

– Да. Мы с отцом объездили много стран – в Европе и за ее пределами. Пять лет жили в Индии...

– В самом деле? – Голос его выдал проснувшийся интерес. – Должно быть, здешняя жизнь очень отличается от жизни в жарком климате.

– Да, там жизнь совсем другая. – Она говорила без сожаления.

– Мисс Мортимер, вы производите впечатление весьма разумной девушки. Не сомневаюсь, вы привыкнете. Надеюсь, английские зимы не покажутся вам слишком холодными и суровыми.

– Я тоже надеюсь, – ответила она, улыбнувшись. – Во всяком случае, я не сомневаюсь, что выживу.

– Вам, наверное, недостает отца.

– Да, – ответила она, стараясь скрыть грусть, какую она

всегда испытывала, когда речь заходила об отце. Она по-прежнему тяжело ощущала горечь утраты. – Я была ему не только дочерью, но и помощницей. Когда он умер, многие его труды остались неоконченными, и мне придется много поработать, прежде чем рукописи можно будет передать издателю. Леди Ланзбури была настолько добра, что предложила мне работать в вашей библиотеке – конечно, в то время, когда мне не нужно будет находиться с леди Октавией.

– Разумеется! Пожалуйста, пользуйтесь библиотекой в любое время. Уверен, у вас замечательно получится присматривать за Октавией. Надеюсь, вам у нас понравится.

Сердце Джейн екнуло, когда его красивые серые глаза посмотрели на нее в упор. Ее охватила радость.

– Не сомневаюсь в этом, граф Ланзбури. – Она тяжело вздохнула, не зная, что еще сказать. – Спасибо! – с трудом вымолвила она.

Он повернулся к ней спиной и пошел прочь.

– Ах, простите! Мой сын иногда бывает чересчур поспешен, – сказала леди Ланзбури, заметив, как приуныла Джейн. – Его тяготят серьезные дела, и он всегда очень занят. Но пойдемте, моя дорогая. Я отведу вас в комнаты Октавии. – Она посмотрела на раскрасневшуюся Джейн. – Как вы себя чувствуете?

– Превосходно... благодарю вас.

Облачко набежало на лицо Джейн, она опустила глаза. Она старалась не выдавать своих чувств. Ей было что скры-

вать: она полюбила Кристофера Ланзбури с первой встречи. Как по-другому можно было объяснить охватившие ее чувства? Джейн не обладала никаким опытом в общении с мужчинами. Она внушала себе, что не должна поддаваться порывам. Скорее всего, граф Ланзбури – просто первый мужчина, который ей понравился. Она не могла понять, почему так вышло.

День, когда она покинула Францию и взошла на борт корабля, отправлявшегося в Дувр, она запомнит на всю жизнь, потому что в тот день она встретила его, и она уже не могла думать ни о чем другом. Разумеется, Джейн не тешила себя иллюзиями. Их слишком многое разделяет. Не стоит надеяться на то, что в один прекрасный день что-то изменится и он ответит на ее любовь взаимностью.

Она не верила в реальность происходящего, еще меньше – в собственные чары.

Глава 2

Джейн прожила в Чалфонте целый месяц, и у нее не появилось поводов пожалеть о своем решении. Ее предшественницы, которых нанимали заботиться об Октавии, были гувернантками. Хотя положение мисс Мортимер в целом соответствовало такой роли, леди Ланзбури относилась к ней больше как к другу. Ее часто приглашали ужинать с членами семьи, но она всегда отказывалась, предпочитая есть в комнатах, которые она делила с Октавией.

Джейн немало удивилась, поняв, что может без труда привлечь внимание Октавии. Несмотря на отсутствие опыта общения с детьми, ей удалось завоевать доверие Октавии и поддерживать интерес девочки к делам, которыми они занимались вместе. Они обе получали удовольствие от прогулок в красивом парке. Кроме того, Октавия любила рисовать; зато она без всякого удовольствия училась читать и писать. По совету леди Ланзбури, Джейн не давила на свою воспитанницу.

С Октавией не всегда было легко, но в целом она доставляла много радости Джейн. И леди Ланзбури постепенно успокаивалась. Все реже появлялся тот напряженный, озабоченный взгляд, на который Джейн обратила внимание, когда впервые ее увидела.

Услышав, как внизу, на подъездной аллее, хрустит под

конскими копытами гравий, Джейн отвлеклась от своих мыслей – она сидела рядом с Октавией, пока та рисовала. Сделала глубокий вздох, постаралась успокоиться. Она знала, что граф Ланзбури возвращается с верховой прогулки. Подходя к окну, она стала смотреть на того, кто занимал ее мысли день и ночь. Почти весь прошедший месяц он в основном находился в Лондоне, поэтому Джейн почти не виделась с ним. Глядя, как он спешивается и передает поводья груму, она ощутила знакомое замирание сердца, опьяняющую смесь радости и тревоги.

Не догадываясь о том, что за ним наблюдают, Кристофер вошел в дом. Даже в лучшие дни он был человеком закрытым, сдержанным, любящим уединение. В худшие дни в нем пробуждались такая жесткость и властность, от которых кровь стыла в жилах. Его высокомерная сдержанность не способствовала его популярности в высшем обществе; друзей у него было немного. Он держался особняком.

У него бывали женщины. Он ложился с ними в постель, но в свою жизнь их не допускал. Иногда он проявлял холодность и расчетливость. Именно в таком настроении он решил жениться на богатой наследнице-американке Лидии Спеллинг. Американские доллары, которые она ему принесет, поспособствуют процветанию Чалфонта. Ему еще не до конца удалось преодолеть губительные последствия отцовских излишеств, но его усердие постепенно начинало приносить

плоды. Он надеялся, что брак с мисс Спеллинг будет выгодным не только в финансовом отношении. Чалфонты постепенно вырождались. Чтобы продолжить род, ему нужно разумно подойти к рождению наследника. Он знал, как мать хочет, чтобы он женился. Если он не произведет на свет законного наследника, велика опасность, что титул уйдет из их семьи. Последнее соображение тревожило его сильнее, чем он показывал. Кристофер понимал, что больше не может откладывать решение важного вопроса. Когда матери захотелось взять Октавию в продолжительную поездку в Нью-Йорк, а затем в Париж, Кристофер, не желая отпускать их одних, поехал с ними. Когда они отправились в трансатлантический вояж, ему еще не приходила в голову мысль жениться на богатой американской наследнице, чтобы поправить финансовое положение и продолжить род Чалфонов. Тогда он еще не рассчитывал на Освальда Спеллинга.

Спеллинг, вдовец, обожал свою единственную дочь. Он не упустил возможности познакомиться с настоящим графом – британские аристократы входили в моду среди дочерей американских миллионеров. Пригласив графа поужинать в свой роскошный особняк на Мэдисон-сквер, Спеллинг усадил Лидию справа от Кристофера. Намек не был тонким, но на то и не было расчета.

Лидия Спеллинг привлекала своей живостью, бойкостью и умением себя подать. С самого детства ее баловали, ею восхищались. Она нисколько не сомневалась в своих многочис-

ленных достоинствах. Она сразу дала понять Кристоферу, что считает его хорошей партией. В Америке богатые невесты пользуются известной свободой передвижения и общения – преимуществами, которые в Европе позволены лишь замужним дамам. Находясь в Нью-Йорке, Кристофер так и не обручился с Лидией, однако они пришли к некоторому взаимопониманию. Для Кристофера женитьба на ней не казалась слишком высокой платой за пожизненное освобождение от финансовых трудностей. Он был готов на любые жертвы ради того, чтобы восстановить хотя бы отчасти былую славу рода и позаботиться о более стабильном будущем.

Кристофер уютно устроился в библиотеке; он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и читал финансовые разделы утренних газет.

Чалфонт мог похвастать роскошной библиотекой, напоминавшей пещеру Аладдина – сокровищницу, полную томов в кожаных переплетах. Здесь приятно пахло воском для пола и марокканской кожей. Три стены от пола до потолка занимали стеллажи, на которых стояли книги, посвященные самым разным областям знания. Однообразие бесконечных рядов книг нарушалось лишь камином и застекленными дверями, выходящими в парк.

Кристофер поднял голову, когда открылась дверь и в библиотеку вошла его мать.

– Вот ты где, дорогой! Хочу предупредить, что сегодня

присматривать за Октавией буду я. Мисс Монтгомери пора отдохнуть от забот о ней и поработать. Мне в самом деле хочется, чтобы она приняла какое-то вознаграждение за то, что она сделала для Октавии на корабле. Я думала подарить ей банковский чек – награду за спасение жизни, – но она дала понять, что деньги ее безусловно оскорбят.

Кристофер презрительно улыбнулся.

– Возможно, она не так нуждается в деньгах, как многие представители низших классов – уж они бы не отказались от любого денежного вознаграждения, есть у них на то повод или нет.

– А ты стал циником, – ласково поддразнила его мать. – Но Джейн не такая. Ей чужды вероломство и жадность. Она очень милая девушка, правда?

Кристофер покосился на мать поверх газеты.

– Она явно девушка необычная – ведь, судя по всему, она много лет кочевала, как цыганка. Не помню, чтобы ты так привязывалась к кому-то из других молодых особ, которых мы нанимали для ухода за Октавией.

– Ты совершенно прав, и пока я совершенно довольна. Джейн – настоящая находка.

– Я бы назвал ее чуждой условностям и безнадежной загадкой, – мрачно заметил Кристофер, перелистывая страницу. – При таком прошлом она, наверно, не привыкла вращаться в цивилизованном обществе; ей нелегко будет приспособиться к тому миру, к какому привыкли мы.

– Ты к ней слишком строг. Джейн очаровательная, содержательная и вполне светская молодая особа, одаренная незаурядным умом. Хотя мы с ней знакомы недавно, она очень скрашивает мне жизнь. Помню, ты с самого начала сомневался в ее способностях, но она тебя посрамила. Ты, наверное, и сам замечаешь, как разительно переменилась Октавия.

Он хмурился из-за того, что при мысли о Джейн им овладевали дурные предчувствия. Мать не желала слышать ничего дурного о девушке, которая так незаметно и без труда проникла в их жизнь. Кристофер вздохнул. Ради матери и Октавии придется смириться.

Находясь в библиотеке, леди Ланзбури оставила дверь приоткрытой. В коридоре слышались голоса. Джейн, которая собиралась войти в библиотеку, замерла на пороге. Не желая мешать беседе, она решила вернуться к себе, но, услышав, как леди Ланзбури произносит ее имя, она остановилась.

Когда Джейн услышала ответ графа Ланзбури, на глазах ее выступили слезы унижения. Она отошла от двери, пытаясь взять себя в руки. Судя по его словам и тону, он не желает, чтобы она жила в Чалфонте. Значит, сердечно приветствуя ее здесь в день приезда, он притворялся. Он по праву защищает права сестры, но это не уменьшило ни его сарказма, ни ужасной боли, которую она испытала, услышав его слова.

Изо всех сил борясь с охватившими ее гневом и оскорб-

ленной гордостью, она подняла голову. В конце концов, не ее вина, что он находит ее «безнадежной чудачкой». Леди Ланзбури довольна тем, как она заботится об Октавии, и рада той дружбе, которая у них установилась.

Джейн решила, что лучше идти напрямик. Она постучала в дверь и распахнула ее, натянуто улыбаясь. Леди Ланзбури направилась ей навстречу. Джейн старалась не смотреть на графа Ланзбури, который бросил газету на колени и без всякого выражения уставился на нее в упор.

– Входите, Джейн! Думаю, вам не терпится приступить к работе. А я пока спущусь к миссис Коллинс на кухню. Позже можно взять Октавию прогуляться в экипаже, если ты, Кристофер, сможешь уделить нам время.

– Попробую, но на сегодня у меня много дел. Я должен проверить счета с Джонсоном и лично осмотреть одну ферму. Джонсон утверждает, что чинить крышу там не нужно, но осень будет дождливой, и я хочу убедиться наверняка.

– Кристофер, Джонсон – весьма распорядительный и способный управляющий. Не сомневаюсь, он справится и без тебя, но... раз надо, значит, надо.

– Надеюсь, я все успею. Не хочу расстраивать Октавию. После обеда у меня появится больше времени.

– После обеда в самый раз, – заметила леди Ланзбури. – Оставляю вас, Джейн, чтобы вы занялись своей работой. До моего возвращения за вами присмотрит Кристофер...

Голос леди Ланзбури затих вдали; они слышали, как где-

то открылась и закрылась дверь. Потом наступила тишина.

Не глядя на развалившегося в кресле мужчину, но остро сознавая его присутствие, Джейн подошла к столу, стоявшему в нише у окна. Вот прекрасное место для работы! Сразу после приезда в Чалфонт леди Ланзбури показала ей библиотеку. По ее словам, здесь Джейн никто не помешает.

Кристофер наблюдал, как она выдвигает стул и кладет на столешницу папки с бумагами. Она сразу же погрузилась в работу. Сидела она очень прямо. Кристофер окидывал ее задумчивым взглядом, рассеянно барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Мисс Мортимер, как вы находите Октавию?

Она сидела вполоборота к нему; он видел нежный изгиб ее щеки и длинные шелковистые ресницы. Волосы она, как всегда, собрала в тугий пучок. Такая прическа совсем ей не шла. Лицо у нее было сосредоточенным, глаза – ясными, незамутненными. Она выглядела, как всегда, недоступной и отстраненной от всех окружающих. Впрочем, от Кристофера не укрылось, что мисс Мортимер бледнее обычного, и он невольно задумался, не заболела ли она. Она была какой-то тихой – точнее, чопорной, как старая дева на церковном чаепитии. Она посмотрела на него, как ему показалось, нехотя. Кристофер невольно задумался о причинах ее холодности и сдержанности. Неужели ей так неприятно отрываться от своих трудов? На ее лице застыла маска вежливости, и по ее голосу он догадался, что ей не слишком приятно разговари-

вать с ним. Интересно, чем он заслужил такую враждебность с ее стороны? Ведь они почти не общались...

Собственные мысли показались ему настолько нелепыми, что он едва не расхохотался. Его так и подмывало прямо спросить ее, чем он ее обидел, но он передумал. Однако, как только Джейн заговорила, Кристофер сразу понял причину ее холодности – и раскаялся. Он весьма нелестно отозвался о ней, чем причинил ей боль.

– Леди Октавия – очаровательная девочка, – сухо ответила Джейн. – И я серьезно отношусь к своим обязанностям. Возможно, вы меня и не одобряете, граф Ланзбури, но не сомневайтесь, я ни в коем случае не обижу ее.

– Ага! Значит, вы подслушали наш с матерью разговор. В таком случае считаю своим долгом извиниться. Кстати, раз уж вы об этом заговорили, из моих слов вовсе не следует, что я не одобряю вас. Совсем наоборот, я не питаю к вам ничего, кроме уважения – к вам и вашей работе. Однако, – он отложил газету и встал, – мое личное мнение о вас в данном случае несущественно. Главной моей заботой являются счастье и благополучие Октавии. Как вы, несомненно, узнаете, проведя больше времени в ее обществе, она не похожа на своих сверстниц.

– Это я уже поняла. Леди Ланзбури объяснила мне... некоторые особенности леди Октавии до того, как я согласилась занять свое место.

– Не сомневаюсь, – заметил он, подходя ближе к ее сто-

ду, – но, естественно, я встревожился, когда узнал, что мать решила нанять вас, не посоветовавшись вначале со мной.

– Вполне понимаю вашу озабоченность. Леди Ланзбури – само радушие. Можете мне поверить, я не оскорблю ее доброту. Но поймите и вы кое-что. Я вовсе не искала места, которое ваша матушка мне предложила. Да, я приехала в Лондон совсем недавно, а до того, выражаясь вашими словами, милорд, кочевала как цыганка и потому не знала, чем заняться.

– Похоже, моя мать появилась в нужный момент.

– Возможно. Время покажет. По-моему, воспитанные надлежащим образом молодые леди, ваши знакомые, пришли бы в ужас, узнав о том, какую жизнь я вела. По их понятиям я действительно дикарка. Пусть в моих жилах не течет голубая кровь и я лишена тех привилегий, которые полагаются аристократам по праву рождения, зато я многое увидела и узнала, отчего моя жизнь значительно обогатилась. Да, я побывала во многих местах и видела много как хорошего, так и плохого, но, будь на то моя воля, я бы ничего не изменила. Главное – не то, кем ты родился. Главное – какой ты человек.

Кристофер молча и холодно взирал на гордую, пылкую девушку. Ее слова гулко звучали в просторной библиотеке, эхом отражаясь от стен; впрочем, они не пробили броню его сдержанности, и ни искры эмоции не отразилось на его бесстрастном лице.

– Ну и вспышка, мисс Мортимер! Вы уже закончили?

Помолчав немного и глубоко вздохнув, она задумалась.

Не откажет ли он ей от дома после такой вспышки?

– Д-да, – с трудом выговорила Джейн.

Несмотря на внешние холодность и отчужденность, он невольно восхищался этой странной девушкой, которая осмелилась так откровенно высказать ему свои мысли. Кристофер какое-то время разглядывал ее, словно стараясь что-то понять. При первой встрече он решил, что она некрасива. Но сейчас, глядя на нее новыми глазами, он, к своему удивлению, понял, что первое впечатление оказалось неверным. Ее фиалковые глаза потемнели и особенно красиво выглядели в обрамлении длинных ресниц. Кожа у нее была нежной, цвета свежих сливок. В уголках глаз он заметил тонкие лучики, что подсказывало, что она любит улыбаться. Но ему она не улыбалась. Неужели она в самом деле так невинна и чопорна, как кажется? Чутье подсказывало, что в ней таятся бездны страсти; ее пылкость посылала недвусмысленные сигналы, сразу распознаваемые здоровым мужчиной. От этих сигналов у него загорелись глаза. Еще больше его возбуждала ее невинность. Он невольно представил себе, сколько радостных открытий предстоит сделать мисс Мортимер, если он того пожелает... Да, если он захочет, будет не слишком трудно сломить ее гордость и заставить ее таять от желания в его объятиях. Ненадолго мысль о том, чтобы завоевать ее, вызвала у него на губах сардоническую улыбку. Правда,

все зависит от его желания, а он пока ничего подобного не хочет. Он и подумать не мог о том, чтобы соблазнить женщину лишь ради своей прихоти. В таком случае он ничем не будет отличаться от собственного отца, самого развращенного и низкого человека, какого он знал. Кристофер его сын, но на том сходство и заканчивается. Он не такой, как его отец, и никогда таким не будет. Поэтому нельзя забывать, что мисс Мортимер для него недостижима, в первую очередь в силу занимаемого ею положения.

Ленивая улыбка, которой он ее одарил, преобразила его лицо. Она смотрела на него немного испуганно, не ведая о его сладострастных мыслях. Под его пристальным, испытующим взглядом лицо ее покрылось густым румянцем. Кристофер не сомневался, что она ругает себя за такую открытость. Он снова улыбнулся, усилив ее смущение, и с самым невинным видом осведомился:

– Я смутил вас, мисс Мортимер?

– Нет... разумеется, нет! – ответила она, взволнованная, опуская взгляд и принимаясь перебирать лежавшие на столе бумаги.

– Полно, вы покраснели, – мягко поддразнил он.

– Ничего подобного! – Смущение Джейн с минуты на минуту росло, но она старалась не выдавать себя, пытаясь поддерживать вид незаинтересованный и равнодушный.

– Да-да, покраснели. – Усмехнувшись, он отвернулся. – Вижу, вы заняты, так что больше не буду вас отвлекать.

Кристофер перестал улыбаться и с довольно мрачным видом покинул библиотеку. Беседа с мисс Мортимер выбила его из равновесия, заставив на время забыть о заведенном распорядке. Она вызывала у него недоумение, беспокойство, которое начинало его тяготить. Может быть, дело в том, что, несмотря на ее самостоятельность, в ней ощущалась какая-то незащитность. А может, она в разговоре с ним не прибегала ни к каким уловкам, не кокетничала. Или его выбила из колеи ее откровенность. Или эти глаза, которые обшаривали его лицо, как будто хотели заглянуть ему в душу...

Неожиданно для себя он представил, как хорошо было бы жениться на женщине, способной озарить его жизнь теплотой и смехом, и позабыть овладевшие им внутреннюю пустоту и мрак. Он поспешил прогнать неуместные мысли, которые напоминали о юношеских мечтах и неосуществленных желаниях. Однажды он все это уже переживал с Лили, наивно полагая, что красивая женщина способна дать ему счастье. Каким глупым, каким доверчивым он был, позволив себе поверить, будто женщине небезразличны такие вещи, как любовь и верность!

Он вышел из библиотеки, хмурясь. Как ни странно, Джейн Мортимер пробудила в нем прежние желания, так сильно мучившие его.

После того как граф Ланзбури ее оставил, Джейн еще долго смотрела на закрытую дверь, а ее сердце учащенно билось. В ней боролись самые разные чувства – злость, унижение и пронзительное, мучительное одиночество, возникавшее и раньше, сразу после смерти отца. Несмотря на неприятные суждения о себе, которые она подслушала, и резкость, с которой она парировала его выпады – и то, как он смотрел на нее, поддразнивая, Джейн не смогла рассердиться всерьез. И когда он ей улыбнулся, его улыбка показалась ей поистине чудесной и полной неприкрытого обаяния. Даже она, считавшая себя не подверженной ни обаянию, ни красивой внешности, ощущала магнетизм графа Ланзбури. Когда он так улыбается и смотрит, слегка прищурившись, он способен приручить любую женщину. Даже дикая кошка будет мурлыкать и ластиться к нему... Однако ястребиная пронизательность, которая сквозит в его серебристо-серых глазах, указывает на то, что с ним нелегко.

В Чалфонте только и говорили, что о помолвке графа Ланзбури с богатой американкой. Объявления о помолвке ждали со дня на день. Мисс Спеллинг с отцом по пути в Париж высадились в Лондоне. Оттуда они приехали в Чалфонт накануне пятидесятипятилетнего юбилея леди Ланзбури.

Октавия была сама не своя от волнения и целыми днями только об этом и говорила. Считая, что ее юная воспитанница утомится до начала званого вечера, Джейн взяла ее за руку и отвела спать.

– Вы должны отдохнуть, леди Октавия, чтобы усталость не помешала вам позже веселиться с гостями.

– Джейн, я люблю веселиться. Вы ведь тоже придете?

Джейн посмотрела на свою воспитанницу. Личико Октавии лучилось надеждой. Девочка не сводила взгляда с Джейн и затаила дыхание в ожидании ее ответа.

Когда в Чалфонт приезжали гости, леди Ланзбури всегда приглашала Джейн присоединиться к ним, но та упорно отказывалась. Но поскольку сейчас речь шла о дне рождения леди Ланзбури, которая настаивала на ее присутствии, в этот раз она согласилась.

Джейн рассмеялась и откинула с кровати атласное покрывало. Октавия посадила Поппи в корзинку.

– Приду, леди Октавия. Слышала от вашей мамы, что у нее будет много гостей. А сейчас – спать. Ложитесь в постель и засыпайте, иначе вы так утомитесь, что вечер не будет вам в радость. После того как проснетесь, примите ванну. Я приготовлю вам самое красивое вечернее платье – розовое, парчовое, с бутончиками, которое вы так любите. Вы будете самой красивой молодой леди среди гостей.

– А что наденете вы? У вас есть такое же красивое платье, как мое?

– Нет, леди Октавия. У меня нет ничего такого красивого. Не знаю, что надену. Я еще не решила. – Джейн подоткнула одеяло.

Она немного посидела на краю кровати, глядя на свою юную воспитанницу. Октавия выглядела очаровательно – кудрявые светлые волосы спутались и падали на лоб, лицо покраснелось, она тихо дышала во сне сквозь разомкнутые губы.

Джейн понятия не имела, что надеть на званый ужин; она столько думала об этом, что у нее разболелась голова. Обычно подобные тревоги не были ей свойственны, ведь ее никогда прежде не приглашали на званые ужины и приемы, где ей предстояло вращаться среди представителей высшего света.

Граф Ланзбури поведет к столу мисс Спеллинг... Как Джейн ни старалась гнать от себя подобные мысли, ни о чем другом она думать не могла. Она решила нарядиться как можно лучше. Всякий раз, когда она рисовала в своем воображении богатую наследницу-американку, ее охватывало дурное предчувствие. Она испытывала острые приступы ревности, чувства, до последнего времени совершенно ей незнакомого. Она бранила себя: какое право она имеет ревновать? И какое ей дело до того, на ком женится граф Ланзбури?

Одна милая и мудрая пожилая леди, с которой Джейн познакомилась в Индии, говорила: на званые ужины необходи-

мо наряжаться в шелка и душиться духами, чтобы чувствовать себя уверенно в своей оболочке. Такая нехитрая уловка способна совершенно изменить представление о тебе окружающих. Джейн запомнила полезный совет, но с горечью думала: как просто было бы ему последовать, если бы она выглядела, как те модные красавицы, которых она видела в Лондоне. В двадцать один год она умела посмотреть на себя со стороны и прекрасно понимала: для того чтобы чувствовать себя уверенно в таком обществе, одних шелков и духов мало. Она упрекнула себя за то, что не удосужилась обновить свой гардероб в Лондоне. Тетя Кэролайн, неодобрительно покачав головой при виде ее нехитрых и старомодных нарядов, предложила повезти ее за покупками, но Джейн отказалась, обещав подумать обо всем позже. Теперь она горько жалела о том, что в свое время не послушала тетку.

Она извлекла из своего выдавшего виды дорожного сундука платье из сапфирового шелка. Оно было куда наряднее ее обычных повседневных одеяний. Джейн решила, что оно подойдет для званого вечера. Возможно, фасон немного устарел и не подчеркивал достоинств ее фигуры, зато такой наряд не останется незамеченным. На свету платье переливалось, как живое. Она приложила ткань к голым плечам и почувствовала, как шелк ласкает кожу. Платье очень тихо шуршало, соблазнительно и провокационно. Вырез был скромным, рукава до локтя расшиты тончайшим кружевом, широкая юбка намекала на женственность ее фигуры.

Она живо вспомнила пожилую леди, давшую ей совет насчет шелков и духов, пока вертелась перед зеркалом, разглядывая себя пристально, как никогда прежде. Произведет ли она впечатление на Кристофера?

Когда Октавия увидела Джейн, она ахнула от радости и дотронулась пальцем до тонкого шелка.

– Ах, мисс Джейн, вы такая хорошенькая! Такая хорошенькая!

– В самом деле, леди Октавия? – спросила Джейн, глядя в зеркало и слегка хмурясь: ее отражение оказалось не совсем таким, какое она рассчитывала увидеть.

– У вас чудесное платье.

– Это особенное платье, леди Октавия. Оно приехало со мной из самой Индии. Если помните, я рассказывала вам об этом. Но пойдете и поздравим вашу матушку. Некрасиво опаздывать на ее день рождения.

Джейн и Октавия зашагали по широкому коридору. Они шли мимо спален и гостиных, столовых и кабинетов. Затем они повернули в большую галерею – просторную и длинную, где царил приглушенный, как в церкви, атмосфера. Пол был из полированного дуба; сводчатый потолок покрывала декоративная штукатурка. На стенах висели многочисленные фамильные портреты в резных позолоченных рамах.

Вечер выдался теплым и солнечным. Леди Ланзбури ре-

шила устроить прием в великолепном парке. Для гостей накрыли столы под зонтиками. Лакеи помогали прибывающим гостям выйти из карет; экипажи с лошадьми отправлялись на конюшню.

Под красно-белым полосатым полотнищем были выставлены всевозможные яства – деликатесы, призванные возбуждать аппетит: паштеты, омары, различные виды сочного мяса, пирогов и желе, бутылки с рейнвейном и кларетом, чаши с пуншем и крепленным вином для дам. По парку сновали слуги, готовые исполнить все желания гостей.

Выйдя из застекленных дверей на широкую террасу, Джейн едва не ахнула. Такой прием был для нее небывалым зрелищем. Октавия в нарядном розовом платье и шляпке с широкой розовой лентой, завязанной под подбородком, крепко держала ее за руку и с любопытством смотрела на гостей. Джейн знала, что девочке делалось не по себе в таком многолюдном обществе, и она обещала ни на минуту не покидать ее.

Парк радовал разноцветными цветами, островками рододендронов и азалий; в воздухе витал сладкий аромат магнолий. Дорожки обрамляли розовые кусты и цветущие лианы. Темно-зеленые тисы подчеркивали изящество скульптур; вода из фонтана в итальянском стиле изливалась в огромный пруд, заросший кувшинками.

И над всем этим великолепием высился Чалфонт-Хаус. Дом напоминал огромное произведение искусства. На солн-

це переливались ярко освещенные витражные окна семнадцатого века, внушая благоговение и восторг.

Достойный фон! В парке и на террасах собрались титулованные, богатые и влиятельные гости. Красивые платья, сюртуки, шляпки и зонтики состязались яркостью с цветочными клумбами. Леди Ланзбури очень шел ее наряд – шелковое платье цвета нильской воды и такого же цвета тюрбан, украшенный перьями умеренной длины.

В это избранное общество горделиво ступила с верхней террасы Лидия Спеллинг. Она сразу же сделалась центром всеобщего внимания. Джейн хватило одного взгляда, и сердце у нее упало. Она поняла, что Лидия может служить образцом модной утонченности.

Мисс Спеллинг стояла между графом Ланзбури и своим отцом, невысоким, дородным человеком с бакенбардами в форме котлеток и морщинистым лицом. Темные волосы Лидии были безупречно уложены под плюмажем из ослепительно-белых перьев, а узкий жакет с высоким воротом из темно-розового атласа идеально облегал фигуру, подчеркивая пышную грудь. Появление мисс Спеллинг было эффектным; его невозможно было пропустить. Она не была ни красивой, ни даже хорошенькой, но ее внешность приковывала к себе внимание.

Гости зашептались; постепенно разговоры умолкли, а все головы повернулись в ее сторону. Парк Чалфонта представлял собой идеальную сцену для тщеславной молодой жен-

щины. Казалось, Лидия Спеллинг заранее зарезервировала себе место в новом мире. Ее величественный выход был проведен с искусством, на которое была способна только Лидия с ее непомерным щегольством. Джейн невольно восхитилась ею. Она видела перед собой опытную, искушенную женщину, которая непринужденно чувствует себя в мужском обществе и решительно стремится к цели.

Джейн одновременно и презирала богатую наследницу, и не могла отвести от нее взгляда. Она впервые видела американку и поразилась ее яркой внешности. Джейн часто слышала, как слуги восхищались мисс Спеллинг. Теперь она поверила всему, что ей говорили. Лидия обладала качествами, недоступными Джейн: магнетизмом и властностью.

Джейн почувствовала, что здесь ей не место. Ей не под силу состязаться с такими искушенностью и обворожительностью. На фоне Лидии она казалась себе беспомощной и неловкой.

Граф Ланзбури не сводил взгляда с матери, сидевшей на стуле с высокой спинкой под большим зонтом, – сегодняшний праздник был посвящен ей. Сопровождаемый мисс Спеллинг и ее отцом, он направился к матери. Все гости расступались, пропуская их. После того как троица подошла к графине, разговоры в парке возобновились.

Октавия тут же схватила Джейн за руку и потянула к брату. Когда они добрались до центральной группы, обе запыхались.

Подойдя к матери, Кристофер поцеловал ее в щеку, а затем подвел к ней Лидию.

Леди Ланзбури с благосклонной улыбкой взирала на девушку, которой, скорее всего, суждено было стать графиней Ланзбури, ее невесткой.

– Лидия, дорогая! Как вы очаровательно выглядите! Я так рада, что вы и ваш отец смогли приехать ко мне на день рождения. Жаль, что ваш визит в Чалфонт будет кратким, хотя не сомневаюсь, что поездка в Париж вам понравится.

– Совершенно с вами согласна, леди Ланзбури. Мы уезжаем завтра, но нам не терпелось побывать у вас.

– Надеюсь, вас ждут несколько приятных недель. Кристофер, ты будешь по ней скучать.

– Не сомневаюсь, – ответил Кристофер, улыбаясь Лидии.

– Тем выше вы оцените меня, когда я вернусь, – ответила Лидия, заглядывая ему в глаза, хотя вниманием Кристофера пыталась завладеть Октавия, которая нетерпеливо подпрыгивала на месте; лоб мисс Спеллинг прорезала неодобрительная морщина.

Джейн показалось, что граф Ланзбури выглядит выше и элегантнее, чем обычно. Стараясь усмирить бешено бьющееся сердце и не желая вмешиваться в чужой разговор, она сделала шаг назад. Граф вежливо кивнул ей, а мисс Спеллинг, с видом собственницы положившая руку в перчатке на сгиб его локтя, делано улыбнулась и смерила ее нарочито холодным взглядом.

Весело рассмеявшись, Октавия обняла брата за талию – к большой досаде мисс Спеллинг. Когда девочка дотронулась до оборки на ее юбке, американка поспешила отстраниться с таким видом, словно ее ужалила оса.

– Леди Октавия, пожалуйста, не трогайте мое платье! – нервно воскликнула она.

Октавия отдернула руку и испуганно посмотрела на Лидию снизу вверх, а затем повернулась к Джейн с обиженным и изумленным видом. Ей не понравился тон мисс Спеллинг. Кроме того, девочка не понимала, что она сделала не так.

Желая поскорее утешить Октавию, Джейн взяла девочку за руку и отвела в сторону.

– Леди Октавия всего лишь восхищалась вашим платьем. Она не сделала ничего плохого, прошу вас, не кричите на нее. – Посмотрев на Октавию, она улыбнулась: – Не огорчайтесь, леди Октавия. Вы не допустили никакой ошибки.

Застигнутая врасплох резкостью и решительностью Джейн, мисс Спеллинг посмотрела на нее с суровым укором.

– Почему же нельзя сделать ей выговор? Кажется, говорят: «Пожалеешь розгу – избалуешь ребенка».

– Говорить можно все что угодно, – с поразительным спокойствием ответил граф Ланзбури. – Нам нравится баловать Октавию. – Отвернувшись от мисс Спеллинг и с нежностью посмотрев на сестру, он погладил ее по щеке: – Как ты, куколка? Все хорошо? – Убедившись, что Октавия успокоилась, он с нежностью улыбнулся, надеясь, что ему удалось за-

мять неловкость. – Лидия, – продолжал он, – позвольте представить вам мисс Мортимер. Кажется, вы незнакомы.

Мисс Спеллинг развернулась к Джейн и осмотрела ее с головы до ног и с ног до головы. На ее губах заплясала насмешливая улыбка. Джейн почувствовала холодную враждебность, исходящую от мисс Спеллинг. Эта враждебность давила на нее, сжимала ледяными, негнушимися пальцами.

– Вы бывали за границей, мисс Мортимер?

– Я жила за границей почти всю жизнь, – ответила Джейн. – Мой отец был ученым; он писал книги и коллекционировал древности. Мы много путешествовали.

– В самом деле? – ответила мисс Спеллинг, на которую слова Джейн, очевидно, не произвели никакого впечатления; улыбка словно приклеилась к ее алым губам, но глаза оставались холодными. – Ах, как странно!

Стараясь сохранить невозмутимость, Джейн следила за тем, как переливаются на солнце бриллиантовые серьги в ушах мисс Спеллинг. Она тщетно искала в Лидии следы мягкости и доброты: Лидия была тверда, как ствол старого дуба.

– Что же тут странного? Его работа была интересной.

Мисс Спеллинг снова смерила Джейн взглядом; вокруг нее плыл чувственный аромат розовой воды.

– И вы помогали ему в работе?

– Да.

– Значит, вы скучаете по работе?

– О, я приняла на себя обязанность закончить некоторые

его статьи и книги. Мне нравилось работать с ним, и мы побывали во многих интересных местах. Даже путешествовали в караване верблюдов из Китая в северную Индию. После этого мы поехали в Грецию и Египет, где он и скончался почти четыре месяца назад.

– Ваш рассказ... необычен, и это еще мягко сказано. Помилуйте, кому может прийти в голову мысль брать с собой дочь на край света, не имея другой защиты, кроме себя самого... а потом?..

Услышав презрительные нотки в низком голосе американки, Джейн невольно нахмурилась. По какой-то загадочной причине мисс Спеллинг невзлюбила ее с первого взгляда. И Джейн тоже стали неприятны женственные формы и блестящие черные волосы, красиво уложенные на надменной, холерной голове. Она прищурилась.

– Что «потом»? Умер? Мой отец был хорошим человеком, мисс Спеллинг, любящим, заботливым, – она бросилась на защиту отца, стараясь сдерживать гнев, – и вы оскорбляете меня своими намеками. До самой смерти он отличался отменным здоровьем. Он не знал, что скоро умрет. И он многому научил меня – в основном тому, как справляться с трудностями. Что я и делаю.

На какой-то миг воздух между ними, казалось, задрожал от напряжения. Но даже если резкость Джейн задела мисс Спеллинг, она поспешила спрятать свои чувства под маску равнодушия.

– Ясно... – Она посмотрела на даму, сидевшую рядом с леди Ланзбури, – та манила ее пальцем, униженным сапфирами. – Простите, мисс Мортимер, меня зовут.

Джейн кивнула, испытывая раздражение оттого, что от нее так быстро отмахиваются.

– Да, конечно. Не смею вас задерживать.

Граф Ланзбури посмотрел Лидии вслед и повернулся к Джейн. Ее фиалковые глаза под длинными ресницами следили за Лидией. Он едва мог скрыть изумление. Джейн сильно переменялась благодаря платью, открывавшему ее лебединую шею. Он впервые заметил ямочку у нее на подбородке и чувственный изгиб алых губ. Увидел крошечную родинку у нее на скуле. Джейн Мортимер чувствительна, соблазнительна и пышет здоровьем... Но среди элегантных и утонченных гостей она явно чувствует себя не в своей тарелке.

Черты его лица смягчились, когда он понял, как, должно быть, рассердило и унизило ее бездумное замечание Лидии.

– Прошу прощения за Лидию, – проронил он. – Ей не следовало так говорить о вашем отце. Вижу, она обидела вас своей... откровенностью.

В любое другое время его вежливость и предупредительность польстили бы ей, но сейчас она пришла в замешательство и покачала головой.

– Ее так называемая откровенность граничила с грубостью!

– Мне очень жаль, что вы так расценили ее слова. Лидия американка и привыкла говорить все, что думает, – вежливо заметил он, стараясь сгладить неловкость.

– Это ее не извиняет. Я не привыкла к американцам, но вовсе не испытываю к ним предубеждения. Мисс Спеллинг не следовало говорить то, что она сказала. Я никому не позволю дурно отзываться о моем отце! Он был хорошим, умным человеком и любящим отцом. Лучшего и желать нельзя!

Лицо Кристофера вдруг сделалось отчужденным, рассеянным и даже суровым.

– Вам очень повезло, мисс Мортимер. Больше, чем вы знаете. – Едва заметно склонив голову, он добавил: – Простите.

Она сделала шаг назад и чопорно поклонилась.

– Конечно, – произнесла она, ошеломленная странным томлением в груди.

Джейн удивилась тому, какое разочарование испытала после внезапного ухода графа Ланзбури. Она смотрела, как он оживленно беседует с гостями, собравшимися вокруг его матери. Гул голосов и смех делались все громче. Джейн поймала на себе взгляд леди Ланзбури. Хозяйка дома следила за их разговором; она не настолько погрузилась в собственные мысли, чтобы не заметить, что происходит в нескольких шагах от нее.

Джейн снова украдкой посмотрела на графа Ланзбури.

Как старательно она наряжалась, надеясь, что он заметит ее! Ей хотелось что-то сделать, чтобы он вынужден был посмотреть на нее и, если не увидеть ее по-настоящему, хотя бы понять, что она обладает способностями и умом... Хотелось поймать его особый взгляд, тот, который он приберегал для других женщин, ласкающий взгляд, который без слов говорил им, что в тот миг они – самые важные для него персоны на свете. Никогда еще ни один мужчина не казался ей таким красивым и таким далеким, и никогда сердце ее так не томилось. Джейн знала, что ей предстоит побороться за его внимание. Было бы безумием считать себя ровней ему. Она заметила, как граф Ланзбури улыбнулся, глядя в лицо мисс Спеллинг. На один ужасный миг ее охватила страстная ненависть к сопернице, такая ужасная и такая неожиданная, что она сама испугалась.

Обычно Джейн не стеснялась общества и могла спокойно вступать в общий разговор, но что-то в манере держаться графа Ланзбури, который завладел вниманием окруживших его гостей, и присутствие мисс Спеллинг заставили ее держаться в тени.

Она не слышала, что он говорит, но даже издали разглядела, что его слушают не просто из вежливости. Граф буквально завораживал окружающих. Вот он рассмеялся в ответ на обращенное к нему замечание, поднял голову и заметил, что Джейн на него смотрит. Он удивленно поднял брови и возобновил разговор.

– Кристофер, полно вам! – сказала мисс Спеллинг, властно беря его под руку. – Терпеть не могу стоять на солнце. Может быть, прогуляемся?

Они стали фланировать по парку, знакомясь и обмениваясь приветствиями с другими приглашенными; Лидия плыла чуть впереди, прекрасно сознавая, какой породила переполох, и, очевидно, наслаждаясь всеобщим вниманием. Стоя на другом краю зеленой лужайки, похожей на пышный зеленый ковер, Джейн смотрела, как граф Ланзбури ведет мисс Спеллинг в сторону беседки, где сидели несколько гостей, вокруг которых сновали слуги.

Подошедшая леди Ланзбури будто прочла ее мысли.

– Итак, Джейн, вы познакомились с мисс Спеллинг. – Она глубоко вздохнула, покачала головой, наблюдая за сыном и своей будущей невесткой – оба оживленно беседовали с гостями. – Она американка – что, по-моему, многое объясняет. И она привлекательна... вы со мной согласны, Джейн?

– Как я могу не согласиться? Она очень красива.

– Да, – ответила леди Ланзбури суховато и как-то рассеянно. – У нее есть молодость, красота, прекрасные связи, богатство... и определенная известность в высшем обществе. Чего больше может мужчина желать в женщине?

Услышав задумчивое замечание леди Ланзбури, Джейн, по-прежнему наблюдавшая за парой, подумала: возможно, деньги... как и недвижимость... – вещь полезная. И у Лидии Спеллинг все это есть, ведь она единственная дочь миллио-

нера-американца. Но была бы она так же желанна, если бы не одевалась у лучших французских кутюрье и не утопала в роскоши и богатстве? Не деньги ли порождали многочисленные взгляды и тихие намеки, которыми обменивались в обществе при ее появлении?

– Ее отец очень богат, – продолжала леди Ланзбури, – он удачно вкладывал деньги в промышленность – железные дороги, производство оружия и товары широкого потребления. Но он не вхож в светское общество. Возможно, многие считают мисс Спеллинг хорошей партией, хотя богатых выскочек не принимают в кругах потомков первых поселенцев.

– Значит, про мисс Спеллинг можно сказать, что она сделала верный ход.

– Вот именно. Судя по всему, англичанам очень нравятся ее открытость и независимость; многие находят ее очаровательной. Конечно, так оно и есть. Лидия – единственная дочь мистера Спеллинга. Ее отец весьма тщеславен. Он хочет, чтобы его дочь получила самое лучшее, по его мнению, то есть титул. Вот почему он привез ее в Европу, где ею многие восхищаются, как редким бриллиантом. Бриллиантом, созданным по меньшей мере для того, чтобы находиться в тиаре. Кристофер может дать ему то, что он хочет. Надеюсь лишь, что мой сын знает, что делает.

– Уверена в этом, леди Ланзбури, – ответила Джейн, стараясь не выдавать зависти к Лидии Спеллинг и жалея, что не она сейчас гуляет по парку рука об руку с графом Ланзбури.

– А я, Джейн, совсем в том не уверена. Я очень люблю сына, но у него есть свои недостатки. Я беспокоюсь, желая, чтобы он поступил правильно. Разумеется, я не хочу, чтобы мои слова достигли его ушей. В конце концов, он взрослый и сам решит, на ком ему жениться. Но будь я азартна, я бы поставила на то, что он в нее не влюблен.

– Не все женятся по любви, – тихо заметила Джейн. – В некоторых странах, где мне довелось побывать, о браках договариваются родители жениха и невесты. Иногда молодые впервые видят друг друга только после свадьбы. Я слышала, что любовь и брак – две разные вещи.

Леди Ланзбури окинула ее внимательным взглядом.

– А каково ваше мнение, Джейн?

– Что те, кто придерживается такого мнения, – к сожалению, люди циничные. Какой еще, кроме любви, может быть повод для того, чтобы жениться?

– Например, необходимость произвести на свет детей.

Джейн посмотрела на леди Ланзбури с притворным изумлением.

– Ах! Я не знала, что для того, чтобы зачать детей, обязательна брачная церемония.

Леди Ланзбури рассмеялась.

– Джейн, какое безнравственное замечание! Боюсь, услышав его, многие будут шокированы.

– Возможно, замечание и безнравственное, но вместе с тем разумное.

Улыбка леди Ланзбури увяла.

– Джейн, вы – чудесное создание, и я с удовольствием продолжу с вами беседу о браке... как-нибудь в другой раз. – Она снова посмотрела в ту сторону, куда ушел ее сын, но потом, взяв себя в руки, повернулась к Джейн. – Простите, дорогая, за мою откровенность, но... то, что я сказала о Кристофере... надеюсь, я могу положиться на вашу тактичность.

– Конечно, леди Ланзбури, – серьезно ответила Джейн. – Я не предаю ваше доверие.

Они переглянулись; судя по всему, они прекрасно поняли друг друга.

– Спасибо, Джейн, – сказала леди Ланзбури.

Решив, что дела графа Ланзбури ее не касаются, Джейн сочла благоразумным придерживать свои взгляды на брак при себе. За то время, что она узнала леди Ланзбури, она поняла, что той нравится откровенное дружелюбие. Они часто беседовали по душам. Леди Ланзбури нельзя было назвать скрытной. Она призналась Джейн, что восхищается ее тетей Кэролайн, которая после смерти мужа десять лет назад нашла себе достойное занятие.

Наблюдая за Октавией, которая не сводила взгляда с брата, Джейн заметила, что щеки у девочки покраснелись, а глаза блестят.

– Леди Октавия, вы хорошо себя чувствуете?

Девочка кивнула и тихо сказала:

– Мне не нравится приятельница Кристофера, она всегда

злая. И вообще... Она мне не друг.

Октавия задрала голову и посмотрела на Джейн. Нечто неуловимое указывало на ее хрупкость; она казалась слабой, как летний цветок, и ее личико дышало странной трагичностью, которая всегда глубоко трогала Джейн.

– Джейн, мы с вами всегда будем друзьями, верно?

– Верно, леди Октавия. Я всегда буду вашим другом, – с неподдельной теплотой ответила Джейн.

Глава 3

Взяв Октавию за руку, Джейн повела ее на террасу, где попросила слугу принести Октавии мороженого и фруктов себе. Следующие полчаса Октавия была занята десертом. Затем она притихла и смотрела куда-то вдаль странно отчужденным взглядом, к которому Джейн уже привыкла. Ее состояние не ускользнуло от леди Ланзбури.

– Джейн, не повести ли вам Октавию погулять? Может быть, ей захочется спуститься к озеру и посмотреть на лебедей.

Джейн с радостью покинула гостей. Когда она бывала в экспедициях с отцом и его сверстниками, никто не вспоминал о разнице в общественном положении. Куда больше родовитости там ценились знания и опыт. Там Джейн казалось, что она всем ровня. Но здесь, среди блестящих представителей знати, она чувствовала себя неловко и очень обрадовалась, когда леди Ланзбури предоставила ей возможность ускользнуть.

Джейн взяла Октавию за руку, и они пошли по парку к тыльной части дома. Джейн любовалась видами. Здешняя красота не переставала ее удивлять. Перед ней тянулись бесконечные земельные угодья – и все они принадлежали одному человеку.

По озеру мирно плавали лебеди; на холме на том берегу

стояла резная беседка, издали напоминаящая какой-то храм. Вход подпирали две колонны, здание венчал купол. Беседка выглядела довольно необычно; Джейн решила непременно осмотреть ее, когда будет одна.

Они немного посидели на лужайке, глядя на конюшню за оградой и большой загон, где паслись лошади. Подтянув колени к груди, Джейн вздохнула, слушая далекие голоса и жужжание насекомых в траве и цветах. Она довольно улыбнулась. Ей еще не доводилось видеть ничего похожего на Чалфонт, и ее невольно завораживало это красивое место, которое как будто обволакивало ее.

Октавия с раннего детства очень боялась лошадей и потому не хотела подходить к ним близко. Она настороженно следила за ними большими глазами.

– Смотрите, леди Октавия! Видите ту гнедую кобылу с красивой гривой? Какая она красавица! Как лоснится на солнце ее шерсть! Конечно, ее каждый день чистят.

Услышав ее голос, кобыла вскинула голову и зашагала к ним. Джейн подошла к ограде и ласково похлопала кобылу по шее. Краем глаза она заметила, что Октавия пятится назад.

– Не бойтесь, леди Октавия! Она послушная и кроткая, как ягненок. Уверена, ей понравится, если вы так же погладите ее, как я.

Не сводя взгляда с лошади, Октавия робко подошла ближе. Встав рядом с Джейн, она обхватила ее рукой за талию.

К радости Джейн, девочка не отпрянула, когда кобыла ткнулась в нее носом.

– Погладьте ее по носу, леди Октавия, не бойтесь. Смотрите, вот так, как я. – Взяв Октавию за руку, она положила ладонь девочки на блестящий нос, и девочка не отдернула руку. Судя по всему, Джейн вселяла в нее уверенность. Она робко погладила терпеливую кобылу. Джейн незаметно взглянула на девочку. Ее ясные глаза под длинными ресницами были похожи на васильки. Она улыбалась.

Направляясь по дорожке в их сторону, Кристофер наблюдал за сестрой и Джейн. Их смех оказался таким заразительным, что он невольно заулыбался.

Увидев, что мисс Мортимер уводит Октавию гулять, а Лидия оживленно беседует с дамами, он решил, что должен извиниться перед Джейн за свою невольную грубость.

Когда он смотрел на сестренку, лицо его становилось спокойным, а глаза – теплыми и любящими. Хотя Октавия была уже подростком, по своему развитию она значительно отставала от сверстниц. Кристофер дал себе слово заботиться о том, чтобы Октавия ни в чем не нуждалась и жила окруженная лаской и заботой. В такие времена воспоминания об отце становились для него особенно тяжелыми.

Надо отдать мисс Мортимер должное. Хотя она провела в Чалфонте совсем немного времени, Октавия совершенно преобразилась. Кристофер невольно восхитился тем, как

Джейн помогает сестренке побороть страх перед лошадьми, чего не удавалось еще никому.

Он подошел ближе. Его влекло и к мисс Мортимер, и к очарованной ею девочке. Он беззвучно ступал по траве, а Джейн и Октавия беседовали и не догадывались о его приближении. Он остановился в нескольких шагах от них, любясь обновленной мисс Мортимер в сапфирово-синем платье. Какая она гордая, одухотворенная! Кристофер не ожидал, что она превратится в настоящую красавицу, всего лишь сменив свои некрасивые повседневные платья. Наверное, раньше она не нравилась ему именно из-за своей одежды... К тому же ее фиалковые глаза напоминали ему о Лили. Вот что затемняло его представление о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.